

Борис Бартфельд

ЛЮБОВЬ К БРОНЗЕ

*Светлой памяти Владимира Черняева –
директора музея Брахерта*

Полуденная жара отступила, но пшеничное поле ещё дышало солнечным зноем. Статная молодая женщина шла по обочине дороги, крепко держа за руку бородатого мужчину. Она шла с высоко поднятой русой головой, украшенной венком из колосьев, мужчина держался позади. У границы поля они упали в борозду. Пшеница заволновалась, будто ветер налетел и закружил золотые стебли.

Вскоре женщина поднялась, потянула мужчину за собой. Раздался залистый смех. Обнажённые, они снова скрылись из глаз, на этот раз среди пшеничных стеблей.

Всё стихло, поле успокоилось, замолкли птицы, застыл воздух, пыль перестала кружить над песчаной дорогой. Маленькое белое облачко, висевшее над полем, стремительно превратилось в свинцовую тучу. Женщина поднялась с земли, оправила хитон и, не оглядываясь, заторопилась к дороге. Сверкнула молния, разряд ударил прямо в то место, откуда недавно поднялась женщина, мужчина всё ещё оставался там. Тонкая струйка дыма взвилась над землёй. И хлынул дождь. Потoki обрушивались только на женщину, всё вокруг было сухо. Она бежала, дождь следовал за ней, омывая её с ног до головы.

Женщина закричала, и Кирилл очнулся от тяжёлого сна, стряхнув с себя пелену античного мифа. Сон этот он впервые увидел на первом курсе университета. За тридцать прошедших лет сюжет почти не менялся, снился не столь часто и совсем не пугал его, вызывая лишь эротическое волнение. Гибель мужчины оставалась для Кирилла на краю сознания, всё его внимание занимала женщина, воплощавшая роковую привлекательность и силу.

С утра в Калининграде небо хмурилось. Кирилл и Елена отправились к морю в Светлогорск, где на побережье царило солнце. Киру только что стукнул полтинник, он был моложав, с Еленой они составляли красивую пару. Их отношения длились давно, но ни в брак, ни в совместное проживание не переходили. Оба переживали. Кир признавал свою вину, но иррациональный внутренний страх удерживал его от решительных шагов.

Прогулявшись вдоль моря, они поднялись на дюну по «Серпантину», прошли мимо водонапорной башни в Лиственничный парк. Под старыми деревьями гуляли несколько пар. Кир уселся на скамейку рядом со скульптурой, Елена встала у него за спиной, положила руку ему на плечо, спросила:

– Как тебе эта «Девушка с кувшином»?

Кир поморщился, он терпеть не мог, когда эту скульптуру называли так, будто речь шла о «Девушке с веслом»:

– «Несущая воду», Елена! Запомни, «Вассертрегерин», работа Германа Брахерта. Знаешь, я очень любил эту девушку, но, когда оригинал отправили на реставрацию, а здесь установили копию, любовь моя потускнела. Перед тем, как её увезли, я замерил длину стопы её левой ноги. Ты заметила? Она же огромная. Меня это всегда забавляло. У привезённой копии нога осталась того же размера, а вот очарование ушло.

– Кир, а почему оригинал решили заменить копией?

– О, это таинственная история. Году в 2001-м в Калининград приехал необычный человек из Эрмитажа, звали его Василий Юрьевич Фаидов. Поговаривали, что он увлекался астрологией, алхимией, старинной механикой, ремонтировал механизмы часов и астрономические приборы. И родился он в первые месяцы после войны, ещё в Кёнигсбергской клинике. Ему показали местный музей Брахерта, который, к всеобщему удивлению, его заинтересовал. Он осмотрел экспозицию музея, особенно оригиналы работ, оставшиеся от Брахерта. Больше всего интересовался судьбой скульптуры «Деметра» и очень расстроился, что об оригинале этой работы ничего не известно. А затем его привезли в этот парк, где он и увидел мраморную статую «Несущая воду». Около часа он её осматривал и ощупывал, а после вынес вердикт – немедленно забрать в Эрмитаж на реставрацию, сделать копию для парка, мраморный оригинал в дальнейшем хранить только в музее. Так и случилось. В 2002 году скульптуру увезли, несколько лет она находилась в полной власти Фаидова, а теперь навечно заточена в музейном царстве. А в Лиственничном парке через три года установили копию, сделанную в Эрмитаже. Хочу показать тебе оригинал, поедем в Отрадное, в музей Брахерта.

В музее посетителей не было. Кир и Елена не спеша осматривали экспонаты и стенды. Скульптура «Несущая воду» занимала центральное место в зале. Бронзовые модели работ Брахерта, в основном копии отливок, стояли на постаментах вдоль стен. Кир надолго замер у копии скульптуры «Деметра». Фигура, воплощающая женскую силу, буквально вырастала из земли. Очнулся он от того, что Елена за рукав потянула его к выходу.

– Пойдём, ты уже час перед ней стоишь! Помни, Зевс ревновал Деметру ко всем, кто приближался к ней. Так что держись подальше, а то она и тебя затянет в свои сети, – Елена говорила совершенно серьёзно, без тени улыбки.

Из кабинета вышли директор музея Ада Семёновна и Владимир Дмитриев. Кир близко знал Аду, Владимира лишь шапочно, как известного тележурналиста. Поздоровались, Ада задержала его руку:

– Как хорошо, что ты зашёл. Сегодня мой последний рабочий день. Всё, ухожу на покой! Двадцать лет в музее промчались как курьерский поезд. Вот, передаю бразды правления Владимиру, надеюсь на его счастливую звезду. Так много ещё осталось неразысканных работ Брахерта, может, и ему удастся что-то отыскать. Кир, не забывай музей, приезжай сюда, теперь уже к новому директору.

На обратном пути, уже в Калининграде, они остановились у вокзала. Елена пошла в кассу, Кир остался ждать в машине и быстро заснул. На холме, опалённом солнцем, беседовали двое мужчин в античных одеждах. Одного из них Кир узнал, это был Фаидов.

– Я хочу, чтобы всё оставалось так, как мы договорились. Персефона должна жить у меня, в моих владениях. Мне всё известно, она прячется у своей матери, Деметры, и не хочет возвращаться. Где Деметра? Где? Я должен найти её и забрать вашу дочь.

Хлопнула дверь машины, Кир проснулся. У вокзала суетились люди, над привокзальной площадью в образе древнегреческого сатира возвышался «все-союзный староста» Калинин.

Юбилей Эрмитажа докатился и до Калининграда. На празднование в Художественной галерее собрались музейщики, музыканты, художники, писатели. Сидя за журнальным столиком, встречу вели директор галереи и один из руководителей Эрмитажа Фаидов. Проницательный и величественный, прихрамывающий на левую ногу, он напоминал бога подземелья, вскоре после войны родившегося среди дымящихся руин Кёнигсберга. За спиной ведущих на подставке стояла отливка скульптуры богини Деметры – работы Германа Брахерта. Бронзовая копия, безупречно сделанная Эрмитажем и подаренная Галерее.

Вечер шёл своим чередом, возносили заслуженную хвалу великому питерскому музею и его высокому послу. По завершении вечера все окружили Фаидова, а директор музея Брахерта Владимир Дмитриев неожиданно подошёл к Кириллу.

– Согласитесь, хорошую копию Деметры отлил Эрмитаж? Но оригинал должен быть значительно лучше.

– Согласен, у оригинала особая аура...

– Кирилл! Я уже дважды видел, как вы смотрели на Деметру, она привязала вас к себе. Не отпирайтесь, я не только вижу, но и чувствую это. Именно сегодня мне необходимо поговорить с вами.

– Почему обязательно сегодня? И именно со мной? Ведь мы редко встречаемся. Что такое произошло?

– Я знаю, вы сотрудничали с музеем, иногда надолго приезжали, смотрели работы Брахерта, об этом мне рассказали. А сегодня, когда я увидел, как вы впелись глазами в Деметру, я понял, что вы приезжали в музей смотреть именно на неё. Поэтому вы как раз тот человек, который мне нужен.

– Владимир, не тяните. Что вы хотите от меня?

– Вчера мне звонили из Москвы, сказали, что теперь Деметра свободна.

– Что значит свободна? – Кир рассмеялся. – От кого она свободна, от Зевса, от Аида?

– От Зевса не освободишься. Но теперь она свободна от своего узилища, в котором провела 70 лет. Умер сын офицера. Его отец в 1945 году вывез скульптуру из Раушена в Москву, и вот теперь внук готов её продать. Мне срочно нужны наличные деньги, завтра Деметру надо выкупить, иначе произойдёт непоправимое, она исчезнет навсегда в частной коллекции какого-нибудь богато-

го коллекционера, как в подземельях Аида. Таких денег у музея и министерства сейчас нет, а время не ждёт.

– Как всё странно совпало: наша встреча здесь, взаимный интерес к Деметре, известие о её освобождении... И всё это происходит на фоне отливки Деметры за спиной мэтра Фаидова. Как всё это объяснить? – удивился Кир.

– Многое трудно объяснить. Когда год назад впервые зашёл разговор о моей работе в музее Брахерта, Деметра для меня никакого значения не имела. Подумаешь, бронзовая копия бронзовой фигуры. Но вскоре начало происходить что-то невообразимое, будто что-то щёлкнуло у меня в голове, и голос был мне: «Ты должен работать в музее, найти Деметру и вывести её из пленения». Даже в своей фамилии я стал слышать имя богини. И теперь ни музей, ни я не можем существовать без неё. Ну так что, Кирилл, хотите Деметру?

– Да, решено. Заезжайте вечером ко мне, сразу как закончите в Галерее свои античные мистерии.

В девять утра Дмитриев уже прилетел в Москву. Владелец скульптуры назначил встречу в полдень у себя в квартире. Владимир заранее нашёл нужный подъезд, потоптался возле него, но зима не лучшее время для ожидания. Пришлось заскочить в соседнее кафе. Ровно в полдень он позвонил в дверь квартиры. Открыл мужчина лет пятидесяти, тут же попросил паспорт и удостоверение директора музея. Только после этого провёл в комнату, усадил на диван. Владимира трясло, хорошо, что пальто скрывало дрожь.

– Наличные привезли, всё как договорились? – деловито спросил хозяин.

– Да, всё пяти тысячными купюрами, – Владимир достал пачку денег, туго завернутую в целлофан. – Показывайте скульптуру.

Хозяин открыл дверцу покосившегося шкафа, достал что-то тяжёлое, завернутое в грубую мешковину. Владимир выхватил свёрток из рук, стал лихорадочно разворачивать. Руки ходили ходуном, но, сдержав себя, он достал скульптуру. Бронзовая фигура женщины с коричневым отливом трепетала у него в руках. Ему казалось, что он не удержит её. Было бы лучше поставить на стол, но выпустить скульптуру из рук он не решался. Хозяин спокойно пересчитывал купюры, раскладывая их кучками, не обращая никакого внимания на Владимира. Закончив считать, забрал отливку из рук растерявшегося покупателя, повертел её, показал авторские и литейные клейма и вернул Владимиру, который обнял бронзовое изваяние как ребёнка и крепко прижал к груди. Хозяин достал из шкафа несколько листов и протянул их Владимиру:

– Возьмите, вот акт экспертизы о подлинности изделия, его вы заберёте с собой. А вот эту страничку прочтите здесь и верните мне. Это дед написал об обстоятельствах, при которых скульптура попала к нему.

Пожухлый листок в клетку был исписан чётким почерком. 17 апреля 1945 года, капитан Ххххххх, командир стрелковой роты, находившейся на марше из Нойкуруна* (Пионерск) в направлении посёлка Гросс Диршкайм* (Донское), устроил привал для солдат на окраине посёлка Георгенсвальде* (Отрадное). Пока бойцы отдыхали, капитан с ротным старшиной осматривали ближайшие окрестности посёлка. Жители где-то схоронились, дома стояли открытыми. В третьем доме, куда они зашли, располагались мастерская и квартира скульпто-

ра. Среди многих отливок, барельефов и панно стояла скульптура женщины, которая поразила капитана. Это была Деметра работы Брахерта. Бронзовая фигура оттягивала руки, но отказаться от неё капитан не мог. Весь последний месяц войны она оставалась с ним. Её он и привёз домой, как единственный военный трофей. Едва Владимир дочитал до конца, хозяин забрал листок, сел на диван и стал нудно произносить заранее подготовленную оправдательную речь:

– Я дал прочитать эту страничку, чтобы вы знали, как скульптура оказалась в нашей семье. После войны дед прожил почти 50 лет и носился с этой Деметрой, как с писаной торбой. Она всегда хранилась в его комнате, по вечерам он её доставал, ставил перед собой и беседовал с ней. Бабушка сначала пыталась возражать, грозилась выбросить её в окно, потом плюнула и до конца жизни смотрела телевизор одна. Дед же дрожал над ней, с ума сходил, пока бабушка где-то не вызнала про секрет гранатовых зёрен, и не стала хранить их в мешочке рядом с Деметрой. Только тогда дед кое-как успокоился. Пару раз даже ездил в Светлогорск, посмотреть на места, где воевал и где Брахерт лепил свою Деметру с местной красавицы. После смерти стариков мой отец, их сын, хранил скульптуру в знак памяти о своём отце, хотя для него она не имела никакого значения, лежала в шкафу годами, никто её не доставал. Но вот месяц назад умер и он. Я решил продать Деметру, сделал экспертизу, адвокат сказал, что за давностью прошедших лет никаких претензий быть не может, и скульптура по праву принадлежит моей семье. Вот теперь на законных основаниях продаю её, ну а вы там уже решайте с музеем. В общем, я думаю, это хорошо, что она вернётся туда, откуда мой дед забрал её семьдесят лет назад. В конце концов мы сохранили её в целости, а ведь она запросто могла погибнуть, или переплавили бы её, как большинство памятников в вашем городе. Радости она нам не принесла. Я даже рад, что больше в моём доме Деметры не будет. Забирайте акт экспертизы, да вот ещё тот самый кожаный мешочек с зёрнами граната, который дед хранил рядом со скульптурой. Это всё. Теперь собирайтесь и прощайте.

Дмитриев завернул скульптуру в мешковину, уложил в рюкзак, рюкзак в спортивную сумку, быстро, не прощаясь, вышел из квартиры. День слепил солнцем, что само по себе удивительно для февральской Москвы. За спиной у Владимира лежала Деметра. Он заранее спланировал обратную дорогу: немедленно экспрессом во Внуково, там упаковать сумку для сдачи в багаж, и – в самолёт.

* * *

Капитан вернулся к своей роте, опустил скульптуру на землю. Старшина принёс большой рюкзак, они уложили в него Деметру. Солдаты успели отдохнуть и были готовы к выходу. Капитан закинул рюкзак на спину, дал команду на марш. Рота дружно двинулась на запад. Бронзовая отливка мешала офицеру, толково устроить её на спине не получалось, массивное основание скульптуры било в спину. Передать рюкзак кому-нибудь из солдат он не мог себя заставить.

За посёлком Варникен* (Лесное) из зарослей южнее дороги затарахтели два «шмайссера». Бывалые бойцы, не дожидаясь команды, рассеялись, залегли по канавам, охотники побежали в сторону стрелявших, пытаясь охватить их с двух сторон. Капитан скрылся за деревом, едва успел отдать несколько ко-

ротких команд, как ощутил удар, ожёгший спину. Через минуту перестрелка прекратилась, захватить немцев не удалось. Санинструктор помог командиру снять рюкзак, обнаружил кровоподтёк на спине. Пулевого ранения не было. Пока рота собиралась в маршевую колонну, осмотрели разрывы на рюкзаке, а на основании скульптуры нашли вмятину от пули.

Шли до позднего вечера, капитан устал, рюкзак сильно сковывал движения. Пока рота устраивалась на ночлег, он выбрал место под отдельно стоящим каштаном, уложил изваяние в ящик и закопал под кроной дерева. Ночь прошла спокойно, с утра тронулись дальше по дороге, вымощенной брусчаткой. Командир теперь шёл налегке, контролировал движение роты, постоянно перемещаясь из головы в хвост колонны и обратно. Через час его охватило странное беспокойство. Остановив роту на отдых, он забрал у старшины сапёрную лопатку и кинулся к месту ночёвки. Нашёл заветное место, откопал ящик с Деметрой, прижал её к себе, как ребёнка:

– Не бойся, больше я тебя не оставлю. Ты всегда будешь со мной, – шептал он, укладывая бронзовую фигуру в рюкзак.

Этим вечером Кир был дома. Когда раздался звонок, он заканчивал редактирование статьи для журнала. Кир открыл дверь, Дмитриев стремительно прошёл в квартиру, опустил сумку на край стола, глаза его лихорадочно блестили.

– Деметра здесь. Решил, что сначала из аэропорта к вам, затем домой. Показать её? – Кир молча кивнул, подошёл ближе. Владимир достал свёрток, раскрыл его, бережно поставил бронзовую фигуру на стол и отошёл к стене. Они молча стояли несколько минут. Киру казалось, что он остался в комнате один на один с Деметрой. Переминаясь с ноги на ногу, он вскоре оказался у края стола. Долго всматривался в бронзовую женщину, так и не решаясь прикоснуться к ней. Пауза затянулась. Не выдержав, Владимир спросил:

– Хотите, я оставлю Деметру у вас до утра? – сказал и тут же осёкся, поняв, что не в силах оставить её на ночь с другим.

Кир молчал, приближался к столу, отходил, обходил вокруг, протягивал к скульптуре руки, но так и не дотрагивался до неё. Прошло около часа. Наконец, собравшись с духом, он отказался.

– Не надо. Забирайте Деметру, езжайте домой отдыхать. Спасибо, что показали. Я рад, что вам удалось её выкупить и привезти на родину.

Дмитриев торопливо уложил скульптуру в рюкзак и с облегчением ушёл, оставив хозяина в одиночестве. На столе остался лежать кожаный мешочек с косточками граната, как напоминание о только что случившемся чуде.

Кир долго не мог успокоиться, метался по комнате, как Ромео, которого разлучили с возлюбленной. Продолжалось мучение до поздней ночи, пока он не развязал мешочек и не стал пересчитывать зёрна. Как ни странно, это принесло успокоение, он заснул.

Она работала врачом в пионерском лагере в Зеленоградске, там же, где Кир проходил студенческую практику. Плаврук лагеря – звучит звонко. Она же царила над всеми. Про себя Кир называл её Церерой. Высокая, широкобёдрая,

ещё не начавшая полнеть, светло-русая красавица, которую невозможно не заметить, лет на десять старше Кира. Он старался держаться от неё подальше, но его постоянно тянуло к ней. Вокруг неё крутился физрук – тренер по велоспорту, и, к удивлению Кира, она принимала знаки его внимания.

После обеда Церера выходила на пляж, там в это время Кир заканчивал купание всех отрядов лагеря. Замёрзший, он грелся на солнце, изредка поглядывая на неё.

– Студент, что ты всё ходишь вокруг меня? Вон сколько вокруг пионервожатых, твоих ровесниц. И все на тебя поглядывают, действуй! А от меня держись подальше, а то попадёшь в полон – сожгу. Остерегайся таких женщин, как я! – она залиvisto рассмеялась. – Иди, иди к ним, будь умницей.

Кир не понял, что она имела в виду, но молча отошёл, ощутив тайную опасность, исходящую от Цереры. Почему эта опасность не грозила велосипедисту, никчёмному мужику, время от времени занимавшему у него трояк, чтобы купить в аптеке вина, он понять не мог.

Дмитриевы жили в загородном доме. Возвращение Владимира из аэропорта задерживалось, хозяйка дома Мария уже изрядно нервничала. Она накрыла стол, успела дважды разогреть ужин, включила телевизор. По каналу «Культура» шла пьеса Теннесси Уильямса «Кошка на раскалённой крыше» в постановке Гончарова. Прекрасная героиня всеми силами пыталась вернуть внимание мужа, отчаивалась, снова боролась, и снова отчаивалась. К счастью, Дмитриев вернулся раньше, чем наступила трагическая развязка пьесы. Мария открыла дверь, супруги тепло обнялись. Владимир оставил рюкзак в коридоре, разделся, прошёл в комнату.

– Быстро умывайся и за стол, у меня всё готово, – Мария весело хлопотала у стола. Через минуту они уже дружно ужинали.

– Как ты съездил? Всё прошло хорошо?

– Всё нормально, хотя очень волновался. Могло быть много тонких моментов с покупкой и перевозкой Деметры, но всё прошло без проблем. Налей мне кофе. Совсем забыл, сейчас принесу скульптуру.

Владимир вышел в коридор, принёс Деметру, поставил её в центр стола. Тут же кинулся к фортепиано, достал из-под крышки синюю бархотку, стал бережно отирать бронзу. Он нежно протирал плечи, спину, руки, не замечая, что жена уже давно налила ему кофе и теперь ждёт, когда закончится священнодействие. Наконец, она не выдержала:

– Володя, кофе стынет, садись быстрее.

– Одна минута, дорогая, одна минута, – он снова и снова оглаживал бархоткой идеальные бронзовые бёдра, шею, грудь, спину, не решаясь прикоснуться к губам Деметры.

Кир оказался в музее Брахерта за час до окончания рабочего дня, рассчитав, что посетителей уже не будет. Приехал один, чтобы никто не мешал. Стоял солнечный майский день, воздух в Отрадном, наполненный весенней свежестью, хотелось не только вдыхать, но и пить. Прошло более пяти месяцев, как Деметра вернулась в родной дом. С тех пор Кир не видел свой бронзовый иде-

ал. Много раз хотел примчаться в музей, сдерживался до последних дней, но май едва не свёл его с ума, и он решил поехать. Посетителей не было. Деметра стояла у окна на белом постаменте с табличкой о том, что это его дар музею. Кир отошёл к стене и, замороженный, встал напротив скульптуры. Солнечные лучи ещё попадали в окна зала, и бронзовая Деметра купалась в них, будто в поле созревшей пшеницы.

Заскрипела дверь, и Кир очнулся от транса. Из маленького кабинета вышел директор музея.

– Здравствуйте, Кирилл, вы всё-таки пришли. Я давно ожидал этого. Но сегодня рабочий день уже закончился. Давно здесь?

– Нет, совсем недавно, – Кир глянул на часы, оказалось, прошло полтора часа. – Надо было мне раньше приехать. Могу я остаться здесь на вечер?

– Что вы, это невозможно, – директор замахал руками. – Здесь строгие правила охраны и сложная система сигнализации, в том числе датчики движения.

– Ясно, очень жаль. А могу ли я взять Деметру на ночь домой, а рано утром привезти?

– Нет, это уголовное преступление. Не толкайте меня на нарушение закона.

– Что же тогда делать? – бормотал Кир, выходя из музея.

Домой Дмитриев вернулся затемно. Жена уже заждалась его, традиция совместного ужина была в их семье очень важной.

– Что случилось, Володя? Ты задержался... и так взволнован! – Мария положила в тарелку мужа стейк из сёмги, укрыв его листками салата.

– Вроде ничего, но я и на самом деле нервничаю. Всё из-за Деметры. Кирилл сегодня приезжал, больше часа стоял перед ней как околдованный. Хотел остаться ещё и после рабочего дня, а когда я не разрешил, просил забрать её к себе на ночь. Еле отговорил его. Боюсь, как бы он не учудил что-нибудь. Уж очень заведён.

– Ты не преувеличиваешь? Это у него зависимость такая развилась? В чём дело, это ведь просто холодная бронзовая статуя?

– Думаю, зависимость есть. Он говорит, она тёплая, как человеческое тело. Чёрт, чёрт, значит, Кирилл сегодня прикоснулся к ней, как я сразу не обратил внимания. Он совсем сошёл с ума.

Владимир вскочил со стула, стал метаться по комнате.

– Надо ехать. Маша, надо немедленно ехать. Он приедет ночью и влезет в музей, с него станется. Кирилл совсем не контролирует себя. Сработает сигнализация, его арестует полиция. Скандал будет... – Владимир вышел в коридор, накинул куртку. Жена едва успела ухватить его за рукав и вернуть в гостиную.

– Остановись, куда ты на ночь глядя. Ты сам с этой Деметрой и Кириллом обезумел. Успокойся, допей хоть чай.

– Да, ты права. Надо успокоиться. Но он может появиться там без меня, ты понимаешь? Он зайдёт в музей, а она там одна! Нет, Маша, я поеду. – Владимир выбежал из дома.

Кир приехал в музей к полуночи. Во всех окнах горел свет, тени метались по комнатам. Озадаченный, он позвонил директору, оказалось, что и он в музее и сейчас выйдет.

– Кирилл, что ты делаешь? Зачем ты здесь ночью? Уезжай, тут у меня наряд вневедомственной охраны, сигнализация сработала.

– Успокойся, Владимир, ухожу. Извини, на меня какое-то умопомрачение находит. Я должен видеть Деметру – и всё. Не могу избавиться от этого влечения.

– Да что тебя в ней так притягивает? Если мечтаешь о девушке, с которой Брахерт лепил Деметру, так она скончалась в преклонном возрасте. На крайний случай езжай в Светлогорск на променад к бронзовой купальщице и сиди там, у её ног, сутками. Лепил её Герман с разницей в год с той же самой девицы Кете Циган из Раушена*. Только с тех пор прошло уже почти восемь десятков лет!

– Не передёргивай. Ты же знаешь, что дело не в том, кто был моделью. Дело – в идее автора. А что может быть мощнее античной идеи Деметры? Какая модель в те времена в Германии могла стать вровень с этой идеей? Ева Браун, что ли? Но это противно самой мысли о плодородии, рождении и самой жизни. Да и Брахерт ненавидел Гитлера и его дьявольскую клику, – Кир нащупал в кармане мешочек с зёрнами граната и стал понемногу успокаиваться.

– Остановись, Кирилл. Ты погубишь и себя, и Деметру. Ты не можешь хранить скульптуру у себя даже временно. Ты не можешь быть рядом с ней. Это кончится страшной аферой. Попытаешься подменить оригинал копией? Посадят тебя, да и музей пострадает. Оставь её мне, я сберегу Деметру. В отличие от тебя я женат и не попаду в такую зависимость, как ты. И по службе, и по судьбе Она моя! Я её нашёл и вырвал из небытия. Уходи! Наконец Кирилл уехал. Владимир смог спокойно вздохнуть. Какая удача, что ему пришлось в голову самому нарушить сигнализацию и вызвать экипаж охраны ещё до приезда Кирилла, иначе вряд ли удалось бы разрешить ситуацию мирно.

Владимир решил остаться на ночь в музее, устроился по-походному в кабинете, но долго не мог заснуть. Всё время казалось, что Деметра призывает его. Под утро, не выдержав напряжения, он забрал Деметру из зала в свою импровизированную постель.

Из музея Кир вернулся к двум часам ночи и удивился, что дома его ожидала Елена. Она встретила его в прихожей, обняла, неожиданно крепко прижалась к нему.

– Как хорошо, что ты вернулся один, я беспокоилась.

– Зачем ты здесь ночью? И с кем меня ожидала увидеть? Что за странная фантазия у тебя?

– Я не собиралась к тебе, но вечером разволновалась, почувствовала, что должна ждать тебя здесь. И очень боялась, что ты вернёшься с Деметрой.

– Что за страхи могут быть из-за бронзовой фигуры?

– Могут быть, могут! Она захватит тебя целиком, поглотит. Ей жертва нужна, знаковая жертва. Ты знаешь античный миф о том, как Деметра научила жителей Кипра земледелию? Помнишь, чем закончилось это для местного божества? То же может случиться и с тобой. Только я могу спасти тебя, я заслону тебя от неё.

– Не смей меня, какой из тебя воин-защитник, ты хрупкая женщина.

– Так и опасность особая, и защитить тебя может только женщина, – Елена закрыла входную дверь на все замки, распахнула дверь холодильника, показала полки, забитые продуктами. – Ты будешь со мной всю неделю, я тебя никуда не выпущу.

Кир пытался возразить, но Елена остановила его долгим поцелуем и увела в спальню.

После обеда в музей позвонили из Эрмитажа. То был всевидящий Фаидов.

– Что там у вас случилось? С сигнализацией неполадки? Или что-то происходит? Я чувствую какую-то напряжённость... – Владимир пытался успокоить мэтра, но не получилось, допрос продолжился. – Отвечайте! Какое-то равновесие нарушилось в нашем музейном мире. У вас появилось что-то новое, с большой гравитационной силой?

Отговориться не удалось, пришлось рассказать, что оригинал Деметры найден и выставлен в экспозиции музея. На том конце провода раздался торжествующий возглас, затем гомерический хохот.

– Удача, наконец-то удача! Володя, не приближайся к ней, я через неделю буду у вас, – властитель музейных хранилищ заметно волновался. – Только не приближайся к Деметре, слышишь, Володя, ты не посвящён в эту античную тайну. Она заберёт твоё сердце, ты не посвящён. Только я могу прикоснуться к ней, пока упряжка коней брахертовского Хроноса не мчится по небу над вашим городом. Только я! Держи при себе мешочек с зёрнами граната, это поможет тебе устоять.

– Поздно... Теперь уже поздно, Василий Юрьевич. Я в плену.

Готический православный храм парил в прозрачном воздухе первых сентябрьских дней. Утопая в белых хризантемах и каллах, Владимир лежал в Храме Рождества Пресвятой Богородицы на Киевской. Его тело плыло над головами растерянных друзей и знакомых, поднимаясь к образу Богородицы, к матери человеческой всех времён, от Деметры до Девы Марии. Всё свершилось, едва осень сошла на землю. И небывало щедры на урожай были поля нашего края...

Пять лет миновало, но мы так и не смогли осознать случившегося. Не только ощущение боли от безвременной гибели Владимира Дмитриева, молодого и талантливого человека, но какой-то загадочный, мистический смысл видится многим в его уходе. Он качнул зыбкое равновесие между мирами, вытащив из закулисья то, что, казалось, давно покинуло современный мир, но, будучи разбуженным, явило свою огромную роковую силу. Он выявил эту силу и замкнул на себя, как шпиль громоотвода приманивает небесную молнию и поглощает её колоссальный электрический заряд.

* Русские и немецкие названия городков и посёлков на побережье вблизи Светлогорска.